

Экран и сцена. — 1999 —
Инна Чурикова дек. (451).
выпуск 1965 г. С. 8

Я училась в годы, когда Щепкинское училище было соединено с ГИТИСом. У меня и диплом ГИТИСа, хотя мы почти не бывали там, а только у себя, на Неглинной. Но, вопреки диплому, я твердо знаю, что закончила Щепкинскую школу. Это — моя Школа.

Моими учителями были В.И.Цыганков и Л.А.Волков, настоящие педагоги, требовавшие от студентов умения внимательно вглядываться в жизнь, фантазировать и любить свою профессию. Л.А. приучал учеников к дисциплине творчества. Никогда не опаздывал, вовремя начинал занятия и не задерживался после. Нас это даже как-то удивляло: мы играем, у нас только начинается получаться, и вдруг — раз, закончили.

Помню, репетировали «Последних» М.Горького, я — Любовь, горбунья. Стою у шкафа (идет сцена Софьи, не моя) и плачу. Вдруг Волков спрашивает: «Чурикова, а что это вы там делаете?» Я (скромно): «плачу». Он поднялся на сцену, подошел ко мне и говорит: «Да, действительно. А зачем вы это делаете? Сейчас зрители на вас не смотрят. Вы здесь себя поберегите, подготовьте к следующей сцене». И хотя я так никогда и не смогла выполнить это задание Л.А., понимаю теперь, насколько оно профессионально верно.

Замечательные педагоги по сценической речи Н.В.Шаронова и В.В.Урнова, к счастью, продолжают работать в Училище. И если сейчас мы редко встречаемся, это не значит, что они не со мной. Думаю, они знают о моей любви и нежности. Праздником было общение с И.Б.Дюшеном, читавшим историю зарубежной литературы. Он, например, спрашивал: «А вот Мюссе вы всего прочли?» — «Нет». И тогда: «Счастливая, сколько вам еще предстоит интересного!». Или на экзаме-нах, после твоего ответа: «Ну, и что, вам, дорогая моя, за это поставить?» Некоторые говорили: «отлично». И он ставил. Я претендовала только на «хорошо», хотя к экзаменам готовилась всегда. А вот по диамату у меня было «удовлетворительно» и это сыграло важную роль в моей жизни. Выучила однажды все так, что от зубов отскакивало (хоть ничего не понимала). И вдруг — тройка. С тех пор и стала не ту литературу читать, демократкой стала.

Училище было моим домом — с раннего утра и до 12 ночи. Больше-го счастья не надо было. Помните, рядом был знаменитый магазин «Чай»? Там был та-кой вкусный кофе! На рубль, выданный на целый день, покупался дешевый «Дукат», выпивалась чашка кофе. После кофе выкуривалась эта толстая «дукатина». И все время — разговоры, и только о творчестве.

А посиделки? Не какие-то там специальные. Просто на лестничной площадке стояли стулья и в любую свободную минуту все шло туда — разговаривали, спорили, пели. И все время звучала гитара. Помню, как играл на гитаре Олег Даль, а мы, младшекурсники, стояли кружком и слушали. Помню Мишу Кононова, Севу Соболева. И коршуновский курс — Машу Велихову, других. Нас ведь еще и Малый театр объединял — мы все там в массовых сценах участвовали. Это был родной театр. Недавно случилось выйти на его сцену — так я запах узнала, запах сцены. Вот ведь: запомнился навсегда. Вообще удивительная это была жизнь — жизнь массовки Малого театра. На Э.Быстрицкую мы смотрели, как в звездное небо, куда-то вверх, изда-лека. А она — там, в роскошных туалетах в лермонтовском «Маскараде». В «Маскараде» мы, правда, тоже были в красивых платьях, мне какие-то букольки делали, мы были дамами, окружавшими Нину — Роек! Восхитительная актриса! Думаю, на лице моем было написано это восхищение, счастье быть рядом. А с молодыми актерами Малого театра мы даже дружили. И ро-маны бывали. Счастливое время.

А потом вышли в эту жизнь и ста-ли ее познавать, каждый по-свое-му. Но и сегодня, когда я встреча-юсь со своими соучениками, испыты-ваю какое-то особое чувство до-верия. К каждому — к Зине Ваку-ленко, Тамаре Дегтяревой, Наташе Шлейфер, Валере Еремичеву, Вале Тереховой, Боре Кумаритову, Воло-де Самойлову. Ко всем.